

«...Мы эпохи. Нас собою и нежит в карнавал...»
Б. ПАСТЕРНАК.

«Убежден, что рост неформальных объединений молодежи не только не мешает, а способствует деятельности комсомола, на несоответствие методов этой деятельности духу времени, уровню интеллектуального и культурного развития молодых людей».

Доктор философских наук и ильинский.

ФИЛЬМ Юрия Подникова, кино Ленинградки Жанны Романовой, статьи и пьесы Юрия Щеночкина заставляют общество изменить сложившееся отношение к молодым, особенно к тем, чье поведение вызывает тревогу своей «непонижатостью». Стала выясняться истина, что эти ребята — нормальные люди со своей системой ценностей. Но до настоящего взаимопонимания еще неблизо. «Мы дети из клетки» — помните формулу из фильма Р. Бинова? Статьею друга идеики это и система бессмысленных запретов, на которые горазды взрослые, это и менторский тон, не допускающий ни противоречий, ни права на собственное мнение, ни даже права быть услышанным... Так дадим же им слово.

ПРОХОЖИЙ, ОСТАНОВИСЬ!

На Домской площади я оказалась случайно. Могла бы не услышать песни, но услышала. Были бы большие никогда не встретилась ее исполнители — не встретила. Могла бы пройти мимо — но познакомилась. Потеряла джинсовые одежды, расквашенный разрезанный песен возродил забытую атмосферу карнавала, где любому можно стать министром и высшим судьей, где с помощью жесткой иронии мысль можно вернуть названку.

Слово — Саше Чернецкому, лидеру группы «Разные люди».

— Мне двадцать один год. Явнее качества сделали меня лидером? Хм-хм. Наверно, скромность и умение снискать «рок-лесси». Самый банальный ответ на вопрос, почему мы объединились, звучит примерно так: интерес к музыке, к музыкальному соваждению вкусов. Нас трое, и все мы, мягко говоря, не любим «металл», этот примитивный вариант знания, которые фантастических, скрепящих железными усам насекомых. Он так же бессмыслен и неинтересен, как и музыка ВИА, которая умершая для молодежи. Наша музыка — это рок. Мне нравится ее разнообразие, которое симпатично тем, кто не потерял души, не консервативен. Нам же я люблю причислять себя к революционерам? Я бы хотел, чтобы так было. Наше оружие, рок, направлено против лжи, чванства, бездушия. Но мы не знаем, как им с толком пользоваться, мы напоминаем пятилетки детей с настоящим пистолетом в руках. Говорят, что в одну руку нельзя войти дважды. Мы же все же хотим, чтобы энтузиазм двадцатых годов вновь воссоздался. Тогда люди забавляли о собственном благо и думали о благо общества. Правда, думали о нем по-разному. Некоторые считали, что выпонили план и станешь счастливыми. Но, увы, этого ничтожно мало для настоящего счастья. Жизнь оказалась сложнее. Иными словами, вышло то, что дальше по течению реки есть пороги. Но мы из реки не выходили, поэтому нам не придется в нее возвращаться. Вот наша символика: рок — это фронт — серп и молот. Песни — это наше оружие, которое дает возможность активно участвовать в жизни. Поэтому мы пишем «Фронт». Серп и молот — это братство. Мы своим

(Цитирую строки из рок-песни Саши «Россия» и «Правда» (художественного достоинства текстов не касаясь), которые скажут са за себя.

Молодежь протестует.
...в красках высоких карьеристских задел...
...Для того чтобы построить новое общество, не хватило одной мелочи — правды!..»

Конфликт с родителями? Да они меня просто не понимают. Я не знаю, видели ли они фильм Подникова. Есть он прекрасное пособие для родителей, а мне лично новой информации он не дал. Я только обрадовался, что наконец честно говорят о наших проблемах. Но, увы, никакого разумного их решения фильм не предлагает. Что такое счастье? Я воспринимаю жизнь как подарок. Для меня счастье жить в мое время, которое самое лучшее...

Я удивилась такому предельно высокому парню, которому чуть за двадцать, ведь обычно подобная мысль приходит на исходе жизни. «Не каменешь ли ты себе стариком?» — спросила я. — «Иногда кажусь», — ответил он.

ЧТО ПОНИМАЕМ КИВНУЛО

Сначала несколько слов маме — чтоб стал понятнее молодой сына.

...Эдгар рос послушным, отзывчивым. Увлекался литературой, живописью, театром, совершенствовал знания французского языка. Я не ждала от него дурных поступков и споризмов. Несколько месяцев назад, когда он лежал в больнице, познакомился с ровесником, семнадцатилетним юношей,

от которого буквально заразился идеей создания клуба в подвале. В начале зимы он носился по городу в поисках подвала. Пригласил один на улице Вейденбаума. Сначала их собрался человек десять, через тридцать пять. Чистили этот подвал, кое-что красили, настилали пол. Краску, доски заработывали сами на суботниках в ЖЗР. Была дрова, в котором находится подвал, испугались того, что ребята часто приходит, что-то делают. Решили, что они наркоманы, преступники, и стали сочинять жалобы. Теперь им, конечно, объяснили, что ребята занимаются делом, пробуют силы в самостоятельной деятельности. Организуют выставки, просмотры спектаклей, словом, все

НЕНЬКЕ шестнадцать лет. Мы с ней стоим в очереди за чайной кофе в кафе «Питер» и глазами по сторонам. Не понимаю я, потому что они сами не знают, чего хотят, — заговорила она, глядя на длинноволосых шумных ребят, которые группой расположились под «грибом». — Даже холодно от их присутствия. У них пустой ум. Живут так, будто они... первые. Будто до них никто не жил. Трудно им понять. Меня вполне устраивает круг моего общения. Он невелик, друзей не может быть много. И еще мои собеседники — интересные книги. Я не слушаю и не переживаю от того, что я не «панк», что не стрижу волосы «петушком». Человека замечают и ценят по уму. Пятнадцатилетних, увлекающихся «металлом», есть можно понять. Но когда этим занимаются в двадцать лет, то это, наверное, показывает умственную отсталость. Общественная работа? На будущий учебный год меня выбрали комсоргом. К формальной должности хотела бы относиться неформально. Мы делаем то, что нужно, но по-своему. По моему, комсомольские собрания надо проводить не как бесконечные заседания, а как беседы по делу, без лишнего слов...

«Потом мы с Женей отпраздновали в «Подкове», в клуб Эдгара и его друзей, на выставку живописи, керамич. изделий. Ее авторами — группа студентов-художников. «То, что я увидела, было несказанно интересно и своеобразно. По моему, для этих ребят теперь главное — не повторять то, что они нашли и скрывать в себе и окружающем мире», — сказала Женя, когда мы расставались на остановке трамвая.

Теперь — Эдгар.

— Нет, я не могу сказать, что мама вмешивается в мою жизнь, но она пытается тайн. Я и родители доверяем друг другу. Они же не враги мне, всегда понимают, всегда простили, если что-то не так... Через два я окончу школу, тогда? Во-первых, в армию. Как мне хочется быть... О том, чтобы стать космонавтом, как и многие мои сверстники, я не мечтаю. Впрочем, мне бы хотелось работать альфонсом, заниматься организаторской деятельностью. Понимаю, что работа это сложная, требующая высочайших качеств, постоянного самосовершенствования. О том, чем мы занимаемся. Я думаю, что критерий эффективности всякого труда — это прибыль. От клуба мы рассчитываем получать не только материальную прибыль, но и... как бы лучше сказать... да, духовную! Бросить «подвал»? Нет, не представляю себя без забот о клубе. Главное в моей жизни и жизни моих сверстников — найти свое место. Уверен, что все изменится к лучшему, если каждый будет на своем месте. Что такое счастье? Не знаю. Еще не думал. Может быть, в моем возрасте еще рано знать ответ на этот вопрос? Хотя десятилетиями, почему бы заговорили об этом: название клуба «Подкова» связано с понятием «счастья». Если люди перестают друг и друг это счастье, когда относятся к тебе не предвзято — это тоже хорошо... Если взрослые не терпимы к занятиям молодежи, то они провоцируют нас быть нигилистами, ма-

норничать. Мы собираемся вместе в «Подкове» по многим причинам. Во-первых, хочется не быть одиноким, найти друзей, понимание. Клуб поможет обрести свое место в обществе. Ведь здесь легче проявить свои способности, чем в школьной общественной работе, в которой добрые дела планируются заранее. Еще одна причина — желание принести какую-то пользу людям, как бы это громко ни звучало. Но я не знаю других слов...

«Потом мы с Женей отпраздновали в «Подкове», в клуб Эдгара и его друзей, на выставку живописи, керамич. изделий. Ее авторами — группа студентов-художников. «То, что я увидела, было несказанно интересно и своеобразно. По моему, для этих ребят теперь главное — не повторять то, что они нашли и скрывать в себе и окружающем мире», — сказала Женя, когда мы расставались на остановке трамвая.

ДОРОГА

...Я предпочитаю шагать по середине проселочной дороги, чем по краю современной автомагистрали, — говорит Айгар, — мне дорожит земля, чем жар асфальта... Я горжусь, мне

двадцать один... Почему ушел из политтехнологии? Мне казалось, что вроде бы завален работой. Считал, что я самый занятый и важный человек, что от меня многое зависит. Надо тогда бегать, успевать, вступать, договариваться... Потом осознал и спросил: кому это нужно, зачем? Оказалось, что нужно это для того, чтобы записать на какой-то бумажке, кто строитряд кожно работает. А работы на самом деле нет, света один. Появил, нет реальных отчетов, все «высосаны» из пальца. А есть лишь бесконечные унизительные просьбы — можно ли сделать то или вот это? И так, каждый год я был заместителем секретаря комитета комсомола института по работе со строителями. Стараясь избежать формализма, я много вышло зверски уставал, создавая иллюзию деятельности. Я считаю, что работа должна дисциплинировать человека, а не дисциплинировать действовать на работе. За два года на инженерно-строительном факультете новых знаний почти не получили. Я избежал от иллюзий, ушел из института. Теперь изучаю в университете на экономический или, может быть, на финансовый (до начала экзаменов есть время поумать), поскольку я сейчас занимаюсь финансовой стороной клубной деятельности.

Я и несколько авторов выступили в «Подкове», собравшись вместе, чтобы себя мыть, узнаем, но мы хотим давать что-то другим. Сейчас появляются такие клубы, как у Эдгара. Но думаю, что года через два большинство исчезнет. Почему? Потому что занимаюсь в основном... потребительской деятельностью: организую дискотеки, вечера для счастья, встречи с интересными людьми. Но для того, чтобы нормально существовать, нужно не только брать, но и отдавать что-то себе. Например, Эдгар, как «хозяин помещения», пригласил меня и мы придумали выставку сами — для людей. Если существование этого подвала соответствует интересам молодежи, то, значит, он нужен. Однако не думаю, что в будущем в план райкомов создание таких клубов. Потому что все идет от личной заинтересованности. Райкомы — это все же лишь аппарат, который должен помогать, а не навязывать свое мнение, как надо делать. Поверьте, ребята сами хорошо знают, как надо. Все строится на внутренней потребности, а не на навязывании сверху. Она не реализуется в социальных поступках.

Как нетрудно увидеть, автор сознательно удвинула себя от желания взять слово, чтобы в чем-то воспротивиться, в чем-то согласиться с позицией автора. Мы же его исключили практически — в том же «лохотоме» виде, в каком их довелось услышать. Они — голоса тех, кто недавно не мог и не хотел бы ни о чем думать, кроме ближайшего коужения.

Несут ли они в себе какие-то новые ценности, новый взгляд на мир? Не безусловно утверждать это. Но дело, мне кажется, в том, что сегодня общество пытается сделать из нас новую систему общественных ценностей, одна из которых — умение внимательно вслушиваться все стороны, желание искать истину, опираясь на реальные факты, логику, а не на практику жизни.

М. ПЕТРУХИНА, студентка факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова.

47 KB 129
30. 80 УКР. ВАРХ 2001.

РОК-МОЗАИКА ПРОШЕДШЕГО ФЕСТИВАЛЯ

Отшумела концертная суета, схлынули первые впечатления, потерялась в толпе необычная публика с памятными значками... Но осталась на кассетах музыка первого рижского рок-фестиваля, фотоснимки, передающие парившую на нем атмосферу. В течение трех июльских дней в клубе объединения «Страуме» выступили столь непохожие друг на друга группы: давно известные коллективы — «Цемент», «Спецбригада», «Пилигрим», «Шевинот», утверждающиеся — «Аккорд», «Эффект ФБ», «ЗГА», «Велве», «Зигзаг», гости — «Разные люди» из Харькова, «Веселые картинки» из Москвы, «Чай-ф» из Свердловска, «Телевизор» из Ленинграда. Приз зрительских симпатий — картина Иварса Пойканса «Мимология» — по праву достался свердловчанам.

А. Яхимович, президент Рижского рок-клуба:

— Фестиваль прежде всего должен был быть фестивалем, где каждый музыкант показывает, на что способен, чего достиг. Не хотелось делать конкурс, поэтому не было ни жюри, ни призовых мест. Единственная награда — приз зрительских симпатий. То есть мы избрали судьей публику. Надеюсь, что решение верное. Однако на рок-фестиваль прибыли почему-то в большинстве своем поклонники хард-рока. И обидно, что на «ура» принимались исполнители только этого направления, а к некоторым интересным композициям в другом стиле зрители отнеслись с прохладцей...

Г. Соловьев, член рок-клуба:

— В отличие от рок-фестивалей, проводимых в других городах, на рижский были приглашены группы из разных уголков страны. Правильно сделали: разные города — разные школы, различная манера исполнения и поведения на сцене. Теперь есть с чем сравнивать.

М. Славин, член рок-клуба:

— По сравнению с прошлыми годами, рижские группы повысили мастерство в музыкальном, текстовом и техническом отношении. Но произошло непредвиденное: группы, исполняющие старые, «обкатанные» программы, угодили публике. А вот новое — принималось осторожно, например, некоторые песни «Цементы». В выступлениях рижских групп, безусловно, чувствуется влияние нашего рок-клуба, где нет засилия какого-либо одного направления в музыке, тогда как в Ленинграде, скажем, многие бросились в «новую волну», а в Москве — ударились в «попс». Программа нашего фестиваля была разнообразной. И это большой плюс.

Я. Зевиньш, зритель:

— На фестивале выступили две латышские группы: «Велве» и «Зигзаг». «Велве» — хардовая группа, солист там неплохой. «Зигзаг» взял прекрасные философичные тексты, но не уверен, что все это оценили — не было перевода.

О. Новицкая, рок-дилетант:

— Я на подобном концер-

те впервые. Могу судить о выступлениях по принципу: нравится — не нравится. Чувствую, что выступления представляют разные направления. И какие? Хотелось бы, чтобы рок-клуб взял на себя труд знакомить зрителей с группами до или после выступлений. А можно и листки с информацией об этом выпустить. Надеюсь, что в будущем так и будет.

Е. Комольцева,
студентка МГУ им. М. Ломоносова.

РБ 06 авг. 1987

БЕЗ КЕРМА І БЕЗ ВІТРИЛ

Окремі думки з приводу рок-фестивалю, що відбувся з 27 по 29 листопада у Палаці культури і техніки ХТЗ.

«Рок давай!» Цей нестримний крик не прийняв всієї дні, супроводжуючи виступи п'ятнадцяти рок-груп, що зібралися із різних міст країни. Так вів їх зал. На демонстраційно-недобро оформленій сцені виступали так звані рок-музиканти, які, здається, повністю забули, що таке музика насправді. Вони прагнули вразити одне одного екстравагантністю одягу, промисловим звучанням електроапаратури і розв'язною поведінкою. Лише незначна кількість ансамблів трималась у рамках пристойності. Надзвичайно негативне враження справив виступ харківської рок-групи «Фабрика», але зал, в якому зібрався спеціальний контингент молоді, як це не дивно, зустріч його виступ істеричним зейком захоплення.

То ж найважливішим на цьому фестивалі було не майстерне виконання творів, а ексцентричність поведінки! До того ж, хіба можливо оцінити належним чином рівень виконання, змістовність текстів пісень на фоні ревінгу інструментів. Але значна кількість присутніх у залі молодих шанувальників року і не прагнула оцінювати культуру виконання чи майстерність виконавців. Розхристані юнаки та юнки, обвішані примітивними здебільшого важкими металевими прикрасами, плігали, кричали чи не гучніше від своїх улюбленців.

Слід зазначити, що репертуар, особливо ансамблю «Група подожженого дня» (керівник студент ХІБІ П. Михайленко), відзначався політичною близькостістю, безпринципністю. У такій атмосфері навіть окремі владні знахідки самодільних музикантів, де вони зверталися до класичної музики Баха, Моцарта, російських народних пісень, губились серед цієї какофонії звуків у стилі важкого року.

Якими критеріями користувались організатори цього фестивалю, надаючи право виступати цим носіям (у переважній більшості) безкультур'я, примітивізму, вульгарщини? Але кого залізаєш? Нікого! На фестивалі не створили ні інформаційного центру, ні дискусійного клубу, щоб послідувати і висловити свою думку як організаторам цього, з дозволу еказати, фестивалю, так і його учасникам. Марним виявилось й шукати представників партійних, комсомольських організацій ХТЗ, які дозволили так широке спілкуватися молоді із представниками року. Обминули увагою цей фестиваль і творчі Спілки нашого міста.

І не дивно, що фестиваль не став святом шанувальни-

ків справдішого мистецтва, якому притаманна атмосфера високих почуттів і прагнень. Відчувалось сліпе копіювання гірших західних зразків буржуазної псевдокультури. У зв'язку з цим слід нагадати слова Генерального секретаря ЦК КПРС М. С. Горбачова з доповіді на січневому (1987 р.) пленумі ЦК КПРС про те, що на сучасному етапі посилюється проникнення в радянське суспільство стереотипів із буржуазної масової культури, яка нав'язує вульгарність, примітивні смаки, бездуховність.

Ми стали свідками демонстрації однобічності сприйняття рок-музики значною кількістю молоді, — сказав член Спілки композиторів СРСР Ю. Л. Шербінін. — Жанр року, який завоював популярність серед молоді, вимагає серйозної уваги професіоналів. У даному випадку форсоване звучання, екстравагантність усієї атрибутики, ескаляція свідчать недвозначно про брак елементарної музичної і сценічної культури. Образливо, але доводиться констатувати, що значна кількість молоді некріпично ставиться до такої поведінки рок-груп, які пробуджують у людей низькі почуття. Нарочите нав'язування псевдофілософських концепцій призводить до повного спустошення особи як безпосередньо самих музикантів, так і їхніх слухачів. Усі ці рок-паради не слід плутати зі справжнім мистецтвом, бо в них більше шоу, циркового жонглювання словами і музичними фразами, ніж справжнього володіння інструментом і голосом. Шкода, що комсомольські працівники нашого міста виявляють часом підвищену увагу до рок-музики, всляк підтримуючи цей рух, недооцінюють необхідність всебічної музичної освіти юних громадян. Певно, і через це щорічні фестивалі сучасної радянської музики, які організовуються в нашому місті, не мають популярності серед учнівської та студентської молоді. А рок-фестивалем, як ми бачимо, надаються найкращі концертні зали, створюються всі умови для їх проведення. Часткова провина в цьому є і нашої Спілки композиторів. Зараз ми створюємо молодіжний дискусійний клуб, до участі в якому запрошуємо всю учнівську молодь Харкова. Перші іроки зроблено, слідва- смось, що одержимо всебічну підтримку і з боку міське- кому комсомолу. Тільки спільними зусиллями ми зможе- мо по-справжньому впливати на естетичне виховання мо- лоді.

В. БОНДАРЕНКО.

Грані культурного життя

НА СЦЕНІ — РОК-ГРУПИ

Минулої неділі в Палаці культури й техніки ХТЗ завершився перший у нашому місті рок-фестиваль, організований рок-клубом спільно з міським комсомолом і молодіжним культурним центром Ордонікідзевського району. На концертах виступили дванадцять груп з Харкова, Києва, Москви й Росова-на-Дону.

Виконавці показали широку різноманітність сучасної рок-музики — від змисленого примітивного радянської групи «Коллектив асесора до складних компози-

цій «Альтернатива» і «Постскриптума». Достій відомі харківські групи «Фабрика», «Шок», «Противага», порівняно з минулими концертами, показали мало нового. Зате цікаво виступили «молоді» колективи — «Група подожженого дня» [ГПД], «Постскриптум», «Альтернатива». Остання група дебютувала на фестивалі, і тим більш несподівано було почути від неї різноманітну, насичену і професійно організовану музику. «Постскриптум» існує дов-

ше, і його програма відзначається більшою цілеспрямованістю. Гостросоціальні, публіцистичні тексти в своєрідній і дохідній музичній подчі запропонувала слухачам рок-колектив ГПД. Хоча ніяких офіційних підсумків фестивалю не підбивали, пісню О. Чернецького [ГПД] «Росія» визнано найпопулярнішою — разом з виконавцем її співав весь зал.

І. ЛОПАТНІ, наш позаштатний кореспондент.

ГРУПА ПРОДОЖЖЕНОГО ДНЯ